

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

Дата поступления: 27.06.2021
рецензирования: 15.01.2022
принятия: 28.02.2022

**Семантика и особенности функционирования существительных
с аугментативными суффиксами в неформальной интернет-коммуникации
(на материале русскоязычных блогов)**

Е.В. Скачкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

E-mail: evgeniyaska4kova@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8333-2147>

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию отсубстантивных аугментативов как части семантико-словообразовательной категории интенсивности непроцессуального признака в современном русском языке. Исследование основано на данных, извлеченных из Генерального интернет-корпуса русского языка, а именно – из его подкорпуса «Живой Журнал». Анализируемый материал отличают высокая лингвокреативность, что отражается в его экспрессивности, эмоциональности и оценочности и позволяет изучать не только узуальные, но и потенциальные дериваты. В статье анализируются функционально-семантические особенности суффиксов-аугментаторов имен существительных, выделяются типовые значения наиболее продуктивных формантов – *-ищ-*, *-ин(а)*, *-уц(а)* (орф. *-юц(а)*), *-юк(а)*. Отсубстантивные аугментативы часто употребляются в высказываниях с множественной интенсификацией, взаимодействуя в контексте с лексическими маркерами интенсификации признака. Частотность подобного употребления изучаемых дериватов позволяет сделать вывод, что суффиксы-аугментаторы обладают слабым потенциалом интенсификации и, следовательно, должны быть отнесены к периферии семантико-словообразовательной категории интенсивности.

Ключевые слова: русский язык; словообразование; неформальная интернет-коммуникация; семантическая категория интенсивности; оценка; экспрессивность; аугментатив; интенсификатор.

Цитирование. Скачкова Е.В. Семантика и особенности функционирования существительных с аугментативными суффиксами в неформальной интернет-коммуникации (на материале русскоязычных блогов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 179–186. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-179-186>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Скачкова Е.В., 2022

Евгения Владимировна Скачкова – преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов, филологический факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 27.06.2021
Revised: 15.01.2022
Accepted: 28.02.2022

**Semantics and specifics of functioning of nouns with augmentative suffixes
in informal internet-communication
(based on the materials of Russian-speaking blogs)**

E.V. Skachkova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: evgeniyaska4kova@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8333-2147>

Abstract: This article is devoted to the study of non-substantive augmentatives as part of the semantic-derivative category of the intensity of a non-procedural feature in modern Russian. The study is based on data extracted from the General Internet Corpus of the Russian Language (hereinafter referred to as GIKRYA), namely, from its LiveJournal subcorpus. The analyzed material is distinguished by expressiveness, emotionality and evaluativeness, which is reflected in its high linguo-creativity and allows studying not only ordinary, but also potential derivatives. The article analyzes the functional and semantic features of suffixes-augmentators of nouns, highlights the typical meanings of the most productive formants – *-ищ-*, *-ин(а)*, *-уц(а)* (орф. *-юц(а)*), *-юк(а)*. Substantive augmentatives are often used in statements with multiple intensification, interacting in context with lexical markers of feature intensification. The frequency of such use of the studied derivatives allows us to conclude that augmentative suffixes have a weak potential for intensification, and, therefore, should be attributed to the periphery of the semantic-word-building category of intensity.

Key words: Russian language; word formation; informal internet communication; semantic category of intensity; assessment; expressiveness; augmentative; intensifier.

Citation. Skachkova E.V. Semantics and specifics of functioning of nouns with augmentative suffixes in informal internet-communication (based on the materials of Russian-speaking blogs). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2022, vol. 28, no. 1, pp. 179–186. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-179-186>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Skachkova E.V., 2022

Evgeniya V. Skachkova – lecturer of the Department of the Russian Language for Foreign Students of Natural Sciences Faculties, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

1. Семантико-словообразовательная категория интенсивности непроецессуального признака

Семантика интенсивности в русском языке давно вызывает интерес ученых. Настоящее исследование во многом опирается на работы С.Е. Родионовой, рассматривающей интенсивность как отдельную семантическую категорию в русле Теории функциональной грамматики [Родионова 2004, 2005]. В понимании С.Е. Родионовой семантическая категория интенсивности (далее – СКИ) имеет полевую структуру, т. е. она представлена в виде отдельного функционально-семантического поля интенсивности (далее – ФСПИ). Лексические, словообразовательные и морфологические средства выражения степени интенсивности относятся к ядру, фонетические и синтаксические единицы представляют периферию ФСПИ.

В центре нашего исследования находятся словообразовательные интенсификаторы, которые, отметим, имеют двойственный характер. С одной стороны, они указывают на место называемого денотата относительно стандарта, который может быть индивидуальной нормой говорящего / пишущего (например, *экстрабелая краска*). С другой стороны, подобные морфемы осложнены субъективно-прагматическим компонентом, т. к. в силу своей экспрессивности, эмотивности, оценочности и образности интенсифицированная единица приобретает особую значимость для адресанта и / или адресата высказывания.

Наиболее удобной единицей для описания словообразовательных интенсификаторов следует признать семантико-словообразовательную категорию. Термин «семантико-словообразовательная категория» был введен в научный обиход Э.П. Кадькаловой [Кадькалова 1994]. Он встречается и в работах других исследователей, см.: [Коряковцева 1998, 2007; Петрухина 2017 а, 2017 б; Кузнецова 2004]. Семантико-словообразовательная категория представляет собой объединение разных словообразовательных категорий на основании общности их семантики (в нашем случае – степени проявления непроецессуального признака).

Непроецессуальный признак может быть выражен не только именем прилагательным, для которого он является общекатегориальным значением, но и именем существительным, которое, как известно, «называет предметы в широком смысле

слова» [Русская грамматика 2005, с. 460], в том числе и качества или свойства «как независимые самостоятельные субстанции непроецессуальных признаков и процессуальных признаков» [Русская грамматика 2005, с. 460]. Кроме того, интенсификация может затрагивать и имя существительное с более конкретным значением (название вещи, лица, вещества и т. д.), актуализируя одно из его свойств (например, параметрический показатель – размер – в случае с *домище*) или комплекс свойств (например, аугментатив *бабища*, более подробно об этом будет сказано ниже).

Таким образом, в ССКИ непроецессуального признака входят словообразовательные категории как отадективных, так и отсубстантивных дериватов. Последние представлены именами существительными, образованными при помощи префиксальных (*обер-идиот*, *сверхрадость*, *раскрасавица* и т. п.)¹ и суффиксальных (*вкуснотища*, *пылюка*, *холодина* и т. п.) формантов-аугментаторов.

2. Краткие сведения из истории суффиксов-аугментаторов

Целью настоящей работы является описание семантики и особенностей функционирования суффиксов-аугментаторов имен существительных^{2,3}. На значение увеличительности, передаваемое подобными морфемами, обращали внимание уже в XVIII веке. Так, М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» пишет, что «увеличительных имен три рода имеют российские имена существительные: 1) на *ище*, 2) на *ина*, 3) на *инище*: *столь*, *столице*, *столина*, *столинице*; *рука*, *ручище*, *ручина*, *ручинище*» [Ломоносов 1765], при этом отмечая, что они «значат вещь грубую» [Ломоносов 1765], и таким образом маркируя их субъективно-прагматический потенциал и стилистические особенности. В «Российской грамматике» 1819 года из списка аугментаторов исключается финаль *-инище*, но возникает дифференциация по роду у дериватов с формантом (в современном понимании) *-ищ-*: для слов мужского и среднего рода предписывается употребление финали *-ище*, а для слов женского рода – *-ища* [Российская грамматика 1819]. Постепенно список увеличивается, и, по данным «Словаря словообразовательных аффиксов современного русского языка» (далее – ССЛА) (Лопатин, Улуханов 2016), в настоящее время вы-

глядит следующим образом: **-ищ-**, **-ин(а)**, **-уг(а)** (орф. **-юг(а)**), **-юк(а)**, хотя для формантов **-уг(а)** (орф. **-юг(а)**), **-юк(а)** аугментативное значение признается только факультативным⁴.

3. Семантика и деривационные особенности суффиксов-аугментаторов в неформальном интернет-дискурсе

3.1. Среди перечисленных морфем в исследованном языковом материале выделяется прежде всего суффикс **-ищ-**. Этот формант наиболее продуктивный: выгрузка (общая численность примеров) в подкорпусе «Живой Журнал» ГИКРЯ⁵ насчитывает более 200 тысяч вхождений (дериватов – более 11 тысяч).

В ССЛА значение форманта **-ищ-** определяется как «предмет, явление, такой (-ое) же, как названный (-ое) мотивирующим словом, но больший (-ее) по размеру или по степени своего проявления, значимости, с экспрессией фамиллярности»⁶ (Лопатин, Улуханов 2016, с. 427). Оно реализуется в таких дериватах, как *ветрище, глазищи, глыбища, домище, книжища, коробища, котище, кулачище, кучища, лапища, ножища, пакетище, ручища, снйчище, скандалище, снежище, сосулища, сумища, толпища, чемоданище, ямища* и др. Наш материал позволяет конкретизировать данные значения в виде нескольких подтипов:

а) ‘увеличенный параметрический показатель размера’ (подтип характерен для производящих с предметной семантикой):

(1) *реву, читая отзыв Воденникова на меланхолию, я реву глядя на букетища цветов, и огромное облако из шариков сердечек над моим столом;*

(2) *Здоровенные твари, скажу... С ужасом думаю, какой аквариумище придется тогда покупать ... Лошади. Просто лошади.);*

б) ‘большое количество’ (подтип характерен для производящих с вещественной семантикой):

(3) *Красота, конечно, но и грязища! Я вся изгваздалась, упала даже:(Там страшновато вечером одной.*

(4) *Потом выяснилось, что когда мой орехокол Sony Ericsson K790i мой любимый мобильник упал на ногу, он отрезал мне большой кусок кожи, из раны хлынула кровища;*

в) ‘усиленная интенсивность физического явления / свойства’ (подтип характерен для производящих с соответствующей исходной семантикой):

(5) *Страшно стало... Реально страшно! Я в окно посмотрела, а толку? Туманище – ни видно ниче:(Только фары машины увидела ...*

(6) *Отличная фотография. Как же вы в такой дождище поедете? Город медленно превращается в Венецию...;*

г) ‘усиленный субъективно-прагматический компонент’ (подтип характерен для производящих с отвлеченной семантикой):

(7) *Таня, стыдоба-стыдобище:) На аве – не фуфик, там чужая морская свинка*

(8) *В общем – унылая скукотища, закончившаяся банально и тошнотворно любвеобильно.*

(9) *А еще школа! Кошмар! нет, просто КОШМАРИЩЕ!!!! самое что ни на есть настоящее!*

Самой заметной особенностью дериватов с **-ищ-** в рассмотренном материале представляется изменение родовой характеристики производного. Известно, что подобные дериваты имеют разные окончания в зависимости от родовой принадлежности производящего существительного, см.: [Розенталь 2013], при этом правило распределения окончаний часто не соблюдается пишущим. Подобные случаи можно разделить на две группы – случайное и намеренное искажение родовой принадлежности производного слова. Случайное искажение, обусловленное незнанием правил русской орфографии или небрежностью, осуществляется в разных направлениях: дериваты от существительных мужского и среднего рода имеют окончание **-а**, а от существительных женского рода – окончание **-е**. Строго говоря, это не всегда ведет к изменению синтагматических показателей. Во второй группе, напротив, возможна только замена флексии женского рода на флексию мужского / среднего рода, вследствие которой меняется и грамматическое значение рода, что доказывается синтагматическими показателями:

(10) *Да, именно так, это не бабочка, это БАБИЩЕ какое-то. Размером больше 15см в размахе. Жрет ананасы и яблоки;*

(11) *Это я, конечно, утрирую, но вонище стоит просто невыносимое. Меня начинает тошнить...*

В случае когда производящим является существительное, обозначающее лицо женского пола, мы видим наиболее сильную интенсификацию негативной оценки⁷. Денотат при помощи номинации с суффиксом **-ищ-** и окончания среднего рода как бы обезличивается и воспринимается как нечто неживое:

(12) *О чём же фильм? 1912 год. Главная героиня, ужасно стремное бабище по имени Адель, похищает из Каира мумию, врача фараона...*

3.2. Существенно меньшей частотностью отличается формант **-ин(а)**: выгрузка фиксирует всего 29 дериватов интересующего нас свойства. Следует отметить, что в ССЛА выделяется восемь омонимичных морфем **-ин(а)**. Особенность значения некоторых из них состоит в том, что оно может включать субъективно-прагматический компонент, причем выражаемый в разной степени. Так, для суффикса **-ин(а)**¹ со значением «предмета или явления, характеризующегося признаком, названным мотивирующим словом» (Лопатин, Улуханов 2016, с. 371) усиленная отрицательная экспрессия встречается в дериватах, которые лежат вне сферы литературного языка и относятся к разговорной речи или даже к просторечию: *харкотина, блевотина, перхотина*⁸ (эти производные реализуют значение подтипа «вещество, являющееся результатом действия, названного мотивирующим

существительным» (Лопатин, Улуханов 2016, с. 376)). Суффикс **-ин(а)**⁸ выделяется как характерный для стилистических дериватов: морфема имеет значение «*предмет, названный мотивирующим словом (преимущ. в стилистически окрашенных синонимах мотивирующих слов)*» (Лопатин, Улуханов 2016, с. 384), в частности в названиях животных (*псина, гадина, тварина*) или лиц (*казачина, молодчина, человечина*).

Собственно интенсифицирующее значение форманта признается только за суффиксом **-ин(а)**⁴: «*предмет, явление, такой (-ое) же, как названный (-ое) мотивирующим словом, но больший (-ее) по размерам или по степени своего обнаружения, чем обычно*» (Лопатин, Улуханов 2016, с. 381). Это значение может быть конкретизировано в следующих подтипах (на специфику конкретизации могут указывать определения и другие элементы контекста):

а) ‘увеличенный параметрический показатель размера’ (подтип характерен для производящих с предметной семантикой):

(13) *Иду я себе иду... и тут с крыши падает огромная глыбина льда... уууууууф... повезло... так было раза три...;*

б) ‘усиление интенсивности физического явления / свойства’ (подтип характерен для производящих с соответствующей исходной семантикой): (14) *Весь день – холодина и дождь, дождь, дождь... спросила;*

в) ‘усиленный субъективно-прагматический компонент’ (подтип характерен для производящих с отвлеченной семантикой):

(15) *Она дурища полная, я читала про нее и тв смотрела. Идиотина, только и всего.*

Однако мы сталкиваемся с тем, что в ряде случаев сложно определить, какой из указанных омонимичных суффиксов участвовал в словопроизводстве. Так, например, в лексеме *рыбина* может быть выделен как суффикс сингулятива **-ин(а)**³, так и **-ин(а)**⁴ со значением увеличенного параметрического показателя:

(16) *Сюда с третьего этажа переселилась белуга – самая большая наша рыбина.*

В лексеме *человечина* могут взаимодействовать (и в результате этого ослабляться) значения суффиксов **-ин(а)**³, **-ин(а)**⁴, **-ин(а)**⁸:

(17) *Изумительный человечина, Галочка!*

В примере (17) в суффиксе реализуется сложная семантика, представляющая результат взаимодействия: 1) значения единичности, выделенности из общей массы; 2) интенсификации таких семантических компонентов лексемы *человек*, как ‘моральные и интеллектуальные свойства’ (при этом положительная оценочная экспрессия задается атрибутом *изумительный*)⁹; 3) стилистической модификации производящего слова¹⁰. Надо признать, что во всех приведенных значениях присутствует усиленный субъективный компонент, чему способствует нестандартность деривата.

В целом выбор любого из перечисленных омонимов (форманта **-ин(а)**) служит интенсификации

оценочной экспрессии, причем чаще отрицательной. Это характерно в первую очередь для тех случаев, когда производное представляет наименование лица: *вражина, дурачина, идиотина, балбесина, тварина, маньячина, бабина, козлиная, шкодина, кобелина, волчина* и т. п. (исключение составляет устойчивый дериват *молодчина*).

3.3. В ССЛА даны два омонимичных суффикса **-у(а)**^{1,2} (орф. **-юг(а)**), участвующих в словообразовании имен существительных. Они отличаются производящей базой и семантикой. Так, **-у(а)**¹ (орф. **-юг(а)**) имеет значение «*предмет (преимущ. лицо) – носитель признака, названного мотивирующим словом*» (Лопатин, Улуханов 2016, 658) и участвует в субстантивной деривации от имен прилагательных (*подлюга* от *подлый*) и в единичных случаях от глагола (*хануга* от *хануть*) и существительного (*кольчуга* от *кольцо*). Для форманта **-у(а)**² (орф. **-юг(а)**), значение которого определяется как «*предмет, явление, названный (-ое) мотивирующим словом*» (Лопатин, Улуханов, с. 659), производящей базой признается только существительное. Согласно данным словаря, семантика интенсивности возможна как факультативный компонент значения только для суффикса **-у(а)**² (орф. **-юг(а)**): «*большой, превышающий среднюю (обычную) степень проявления*» (Лопатин, Улуханов 2016, с. 659), например, в дериватах *пылюга* или *холодьюга*. Отадъективные дериваты со значением лица, носителя признака, названного производящей основой, с омонимичным формантом, например, *хитрюга*, не могут иметь подобного оттенка. Хотелось бы отметить, что последняя группа дериватов отличается возможной полимотивированностью. Так, предложенные в ССЛА производные *хитрюга, подлюга, жадьюга*, как представляется, могут быть мотивированы не только именами прилагательными *хитрый, подлый, жадный*, но и именами существительными *хитрец, подлец, жадина* соответственно со значением лица. В нашей выгрузке также встречаются примеры наименований лиц, образованных от имен существительных: *аферюга, бандюга, ворюга, террорюга, садюга, металлюга* и т. д. Очевидно, что в подобных дериватах словообразовательный формант действительно может не интенсифицировать какой-либо признак или комплекс признаков, а усиливать общую экспрессивность высказывания, в котором они употребляются:

(18) *ууу, какой аферюга знатный! ... я таких обожаю!:(:))*

В приведенном примере формант **-у(а)** (орф. **-юг(а)**) может восприниматься как аугментатор в значительной степени благодаря другим средствам интенсификации – местоименного прилагательного *какой* и лексического интенсификата *знатный*. Данный формант при общей немногочисленности дериватов также реализует типовые значения аугментаторов:

а) ‘увеличенный параметрический показатель размера’ (подтип характерен для производящих с предметной семантикой):

и т. п. (не исключая иногда и интенсификацию по указанным выше компонентам значения лексемы *бабушка*):

(30) *какая мерзкая злобная бабушка N!*

(31) *она такая мерзкая, грубая, резкая, при этом хитрая, скользкая, она такая примитивная, такая прямолинейная в своей уверенности в стопроцентной правоте, в конце концов она бабушке, завистливое и злое... она настолько заполняет целиком весь мир вокруг меня на работе, что я становлюсь все более и более незаметной, повадки все более кошачьими, скрытными и мягкими. единственное о чем я жалею, что не могу стать прозрачной...*

Подобная интенсификация наблюдается в аугментативах, производящее которых представляет собой слово, называющее сложное понятие, связанное с национальными языковыми стереотипами:

(32) *Скляр, волчина осторожный, не мог не выяснить предварительно, кто в подъезде обитает.*

Мы можем предположить, что в данном примере есть усиление таких характеристик денотата, как ‘матерый’, ‘лицемерный’, ‘хитрый’ и т. п.).

5. Множественная интенсификация: взаимодействие аугментаторов с другими языковыми единицами ФСПИ

Многозначность суффиксальных аугментаторов постепенно приводит к потере экспрессивности и, как следствие, к частичной утрате ими семантики интенсивности, что требует от пишущего дополнительной интенсификации при помощи других языковых единиц. В первую очередь, это лексические интенсификаты (такие лексические единицы, которые имплицитно содержат сему интенсивности). Так, например, в отношении деривата *холодина* используются атрибуты *дикая*, *жуткая*, *собачья*, *ужасная* и т. п., а при деривате *кровища* часто встречаются глаголы *хлестать* и *хлынуть* (см. пример (4)). Кроме того, универсальными усилителями, не осложненными оценочной валентностью, следует признать местоименные прилагательные *такой* и *какой*:

(33) *Недоумеваю – зачем здесь нужен Баскин Роббинс, когда кругом такая беднотища* (а также примеры (6), (25), (27), (33));

(34) *Синие сыры? Фетаки? какая вкушнотища!* (см. также пример (18)).

Дополнительная интенсификация может осуществляться при помощи других формантов-

интенсификаторов: это могут быть префиксы, как правило, заимствованные (*супермегагеловещице*), в более редких случаях – исконные (*раскрасавице*). Наконец, наименее частотным средством является графическая имитация пролонгации ударного гласного:

(35) *Ананасы – просто мечта! Такая вкушнотищищищища!*

В приведенных в статье примерах множественная интенсификация встречается более чем в половине случаев (примеры (4), (6)–(9), (11), (13), (16), (18), (21)–(25), (27)–(29), (33)–(35)). Как представляется, взаимодействие контекстных средств интенсификации уточняет семантику деривата и актуализирует интенсифицирующий потенциал суффиксальных аугментаторов.

Заключение

Итак, на основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что реализация интенсифицирующего потенциала морфемы зависит от конкретного случая ее употребления и контекста, в котором могут использоваться другие средства интенсификации. Основную роль при этом играют лексические единицы, которые могут характеризоваться как устойчивой сочетаемостью (например, *собачья холодина*), так и универсальной (например, усилители *такой* и *какой* в определенных конструкциях). Наше исследование словообразовательных средств интенсификации непроцессуального признака показывает, что множественная интенсификация более частотна в высказываниях с суффиксальными аугментативами, чем с дериватами, включающими препозитивные форманты-интенсификаторы [Скачкова 2018, 2019]. Соответственно, в значительном количестве дериватов с проанализированными суффиксами семантика интенсивности кажется несколько ослабленной на фоне экспрессивного, эмотивного и оценочного компонентов значения. Таким образом, суффиксальные аугментаторы имен существительных следует отнести к периферии ССКИ. В то же время нельзя не отметить, что употребление отсубстантивного аугментатива обуславливает появление других контекстных средств интенсификации, и это в целом увеличивает степень интенсивности выражаемого признака и экспрессивности всего высказывания.

Примечания

¹ В подобных словообразовательных моделях исследователи отмечают рост продуктивности заимствованных формантов. Подробно они рассмотрены, в частности, в работе польской исследовательницы И. Митурской-Бояновской [Miturska-Bojanowska 2013].

² Под *аугментативом* понимается дериват, образованный от существительного при помощи оценочного суффикса со значением увеличительности и/или усилительности (*грозница*, *жарища*, *холодина* и т. п.).

³ Под *аугментатором* понимается оценочный суффикс со значением увеличительности (по аналогии с термином *интенсификатор*).

⁴ За пределами данной статьи остались суффиксы, которые реализуют семантику интенсивности в единичных дериватах, например, **-ар-** (*слоняра*) или **-ак-** (*морозьяка*) и т. п.

⁵ В приводимых в статье примерах сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁶ В исследуемом нами материале проявляются две деривационные особенности форманта **-ищ-**, которые соответствуют экспрессии фамильярности: 1) способность участвовать в образовании аугментативов от этикетных формул (*спасибщице, приветищице, С днщцем!* в значении ‘С днем рождения!’ и т. п.); 2) способность интенсифицировать устойчивые выражения (*Открывала тут коробочку с линзами... И порезала пальчик в такое мящице. Просто няка*). Последнее характерно и для другого аугментатора – **-ин(а)** (ср.: *Все те дни, что я работала, я работала как лошадица. Однажды отправила около 100 факсов приблизительно за 2 часа*). Как мы видим, подобные конструкции сами по себе имеют значение усиленного процессуального признака, что выходит за рамки предмета настоящего исследования. Указанные деривационные особенности свидетельствуют о расширении мотивирующей базы данных формантов.

⁷ В редких случаях возможна интенсификация положительной оценочной экспрессии, ср.: *Несусветное красотище и вкуснотище*.

⁸ От глагола *перхать* ‘покашливать, кашлять от ощущения щекотания или раздражения в горле’ (БТС 1998, с. 826).

⁹ Интенсификация положительной оценки указанного значения производящего в большинстве случаев реализуется при помощи конкурентного форманта **-ищ-** (*человечище*). Кроме того, от того же производящего есть дериват с **-ин(а)**¹ со значением ‘мяса того (преимуц. животного), кто назван мотивирующим сщ, употребляющееся в качестве пищи» (Лопатин, Улуханов 2016 с. 375). Он может использоваться метафорически, актуализируя экспрессию уничижительности, пренебрежения, отвращения (ср.: *На картинах — даже не люди, а человецица. Безобразные тела без единого проблеска души...*). Это также способствует формированию устойчивой отрицательной коннотации данного деривата.

¹⁰ Ср.: *Был у меня Н. А. Лейкин. Человецица он славный, хоть и скупой. Он жил в Москве пять дней и все эти дни умолял меня упросить тебя не петь лебединой песни, о которой ты писал ему* (А.П. Чехов. Письма Александру Павловичу Чехову (1883), цит. по Национальному корпусу русского языка) или *В табачном дыму, как в мешке, сидел у порога старый губатый человецица* (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928–1940), цит. по Национальному корпусу русского языка).

Материалы исследования

Генеральный интернет-корпус русского языка. URL: <http://www.webcorpora.ru/en> (дата обращения: 22 мая 2021 года).

БТС 1998 – *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1536 с.

Кузнецова 2004 – *Кузнецова Т.В.* Лексико-семантический потенциал словообразовательных структур: на материале моделей семантико-словообразовательной категории «становление/приобретение признака»: дис. ... канд. фил. наук. Саратов, 2004. 234 с.

Лопатин, Улуханов 2016 – *Лопатин В.В., Улуханов И.С.* Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.

Библиографический список

Miturska-Bojanowska 2013 – *Jolanta Miturska-Bojanowska*. Динамические процессы в словообразовании имен существительных в русском языке 2-й половины XX века. Uniwersitet Szczeciński, Szczecin, 2013. 198 с.

Кадькалова 1994 – *Кадькалова Э.П.* Развитие отношений между словообразовательными моделями одной семантико-словообразовательной категории: принципы и перспективы // Исследования по историческому словообразованию. Москва: ИРЯ РАН, 1994. С. 62–78.

Коряковцева 1998 – *Коряковцева Е.И.* Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика. Москва: ИРЯ РАН, 1998. 220 с.

Коряковцева 2007 – *Коряковцева Е.И.* Семантико-словообразовательная категория: модель описания. // Язык как материя смысла. Сборник статей к 90-летию академика Н.Ю. Шведовой. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 341–353.

Ломоносов 1755 – *Ломоносов М.В.* Российская грамматика // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/L/Lomonosow_m_w/text_1765_grammatika_olderfo.shtml (дата обращения: 08.03.2021).

Петрухина 2017 а – *Петрухина Е.В.* Семантико-словообразовательная категория со значением несоответствия стандарту в русском языке как когнитивная структура // Когнитивные исследования языка. 2017 а. № 29. С. 368–377. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30627009>.

Петрухина 2017 б – *Петрухина Е.В.* Дискуссионные вопросы русского словообразования: к 70-летию Е.В. Клобукова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2017 б. № 4. С. 7–24. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/73458093>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32573553>.

Родионова 2004 – *Родионова С.Е.* Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. 2004. Вып. 2. С. 300–313. URL: <https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/sv2/rodionova.pdf>.

Родионова 2005 – Родионова С.Е. Семантика интенсивности и ее выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. Санкт-Петербург: Наука, 2005. С. 150–168. URL: https://iling.spb.ru/grammatikon/mater/ps_rodionova.pdf.

Розенталь 2013 – Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. Москва: Айрис-пресс, 2013. 368 с. URL: <http://www.rosental-book.ru>.

Российская грамматика 1819 – *Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою академиею*. Санкт-Петербург, 1819. 373 с. URL: https://archive.org/details/libgen_00233222.

Русская грамматика – *Русская грамматика: научные труды* / под ред. Н.Ю. Шведовой. Москва: Институт русского языка РАН, 2005. 784 с. URL: <https://booksee.org/book/751373>.

Скачкова 2018 – Скачкова Е.В. Взаимодействие и конкуренция аффиксальных интенсификаторов в русском языке // Contributions to the 21st Annual Scientific Conference of the Association of Slavists. 2018. Т. 21. С. 258–262. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/j.ctvc4fvd.33>.

Скачкова 2017 – Скачкова Е.В. Экспрессивно-оценочная семантика словообразовательных интенсификаторов в современном русском языке (на материале компьютерно опосредованной разговорной речи) // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2019. № 4 (426). С. 176–182. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10424>.

References

Miturska-Bojanowska 2013 – *Miturska-Bojanowska Jolanta* (2013). Dynamic processes in word formation of nouns in Russian in the second half of the XX century. Szczecin: Uniwersitet Szczeciński, 198 p. (In Russ.)

Kadkalova 1994 – *Kadkalova E.P.* (1994) Development of relations between word-formation models of one semantic-word-formation category: principles and perspectives. In: *Studies in historical word formation*. Moscow: IRYa RAN, pp. 62–78. (In Russ.)

Koryakovtseva 1998 – *Koryakovtseva E.I.* (1998) Action names in Russian: history, derivational semantics. Moscow: IRYa RAN, 220 p. (In Russ.)

Koryakovtseva 2007 – *Koryakovtseva E.I.* (2007) Semantic and derivational category: description model. In: *Language as a matter of meaning. Collection of articles dedicated to the 90th anniversary of academician N. Yu. Shvedova*. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Azbukovnik», pp. 341–353. (In Russ.)

Lomonosov 1765 – *Lomonosov M.V.* (1765) Russian grammar. Retrieved from the official website of the Library of Maxim Moshkov. Available at: http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_grammatika_oldorfo.shtml (accessed 08.03.2021) (In Russ.)

Petrukhina 2017 a – *Petrukhina E.V.* (2017 a) Semantic derivational category with the meaning of discrepancy to the standard in the Russian language as a cognitive structure. *Cognitive Studies of Language*, no. 29, pp. 368–377. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30627009>. (In Russ.)

Petrukhina 2017 b – *Petrukhina E.V.* (2017 b) Discussion issues of the Russian word formation: towards the 70th anniversary of E.V. Klobukov's birth. *Moscow University Philology Bulletin*, no. 4, pp. 7–24. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/73458093/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32573553>. (In Russ.)

Rodionova 2004 – *Rodionova S.E.* (2004) Intensity and its place among other semantic categories. *Slavyanskii vestnik*, no. 2, pp. 300–313. Available at: <https://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/sv2/rodionova.pdf>. (In Russ.)

Rodionova 2005 – *Rodionova S.E.* (2005) Semantics of intensity and its expression in modern Russian. In: *Functional grammar problems: field structures*. Saint Petersburg: Nauka, pp. 150–168. Available at: https://iling.spb.ru/grammatikon/mater/ps_rodionova.pdf. (In Russ.)

Rosenthal 2013 – *Rosenthal D.E.* (2013) Reference book on spelling and literary proofreading. Moscow: Airis-press, 368 p. Available at: <http://www.rosental-book.ru/>. (In Russ.)

Russian grammar 1819 – Russian grammar, composed by the Imperial Russian Academy. Saint Petersburg, 373 p. Available at: https://archive.org/details/libgen_00233222. (In Russ.)

Russian grammar 2005 – *Shvedova N.Yu. (Ed.)* (2005) Russian grammar: scientific works. Moscow: Institut russkogo yazyka RAN, 784 p. (In Russ.)

Skachkova 2018 – *Skachkova E.V.* (2018) Interaction and competition between native and loan word-formation intensifiers in Russian. *Contributions to the 21st Annual Scientific Conference of the Association of Slavists*, no. 21, pp. 258–262. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/j.ctvc4fvd.33>. (In Russ.)

Skachkova 2017 – *Skachkova E.V.* (2017) Expressive-estimated semantics of word-formation intensifiers in the modern Russian language. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology*, no. 4 (426), pp. 176–182. DOI: <http://dx.doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10424>. (In Russ.)